ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
политические, социологические и экономические науки

© 2024. Протасова Т. Н.

Check for updates

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья https://elibrary.ru/abslws

Трансформация российской семьи: история вопроса и тенденции современного периода

Протасова Татьяна Николаевна
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 4101-5452
https://orcid.org/0000-0001-7250-3449
tn.protasova@mail.ru

Аннотация: Сегодня вопрос о векторах изменения и состоянии института семьи рассматривается в контексте национальной безопасности. Цель – выявить и охарактеризовать основные тенденции трансформации института семьи в условиях современной России. В работе представлены этапы трансформации института семьи в контексте модернизации общественных отношений, выделены факторы его изменений, определены основные тенденции, характеризующие современное состояние данного института. В рамках исследования обнаружен ряд специфических для нашего времени тенденций изменения российской семьи: многообразие моделей семьи, стратегий развития отношений и родительства; переформатирование, редукция традиционных функций семьи и появление новых; индивидуализм и рационализация вместо нормативности; запрос на репродуктивные технологии позднего родительства и пр. Было установлено, что новые тенденции неравномерно распространены по территории страны и представлены среди поколений. Рационализация и проявление свободы выбора наиболее характерны для молодежи, проживающей в больших городах. Это выражается в относительной легкости создания и разрушения семейных отношений, необязательности брака, более позднем по возрасту вступлении в брак и рождении детей. Сделан вывод, что необходима концептуальная разработка и реализация государственной семейной политики в современной России, основанная на учете современных тенденций изменения семьи и отношения россиян к семейно-детному образу жизни.

Ключевые слова: семья, трансформация института семьи, функции семьи, структура семьи, семейные ценности, семейное поведение, семейно-детный образ жизни, государственная семейная политика

Цитирование: Протасова Т. Н. Трансформация российской семьи: история вопроса и тенденции современного периода. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 2. С. 209–219. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-209-219

Поступила в редакцию 21.02.2024. Принята после рецензирования 23.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Transformation of Russian Family: History and Modern Trends

Tatiana N. Protasova
Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Russia, St. Petersburg
eLibrary Author SPIN: 4101-5452
https://orcid.org/0000-0001-7250-3449
tn.protasova@mail.ru

Abstract: In modern Russia, the family institution is a matter of national security. This research featured the key transformations of the modern Russian family. The article presents the transformation stages in the context of the actual social relations, identifies the factors of these changes, and establishes the main trends that characterize the current state of the Russian family. Family models have become more diverse, as well as the strategies of couple relationship and parenthood. The traditional family functions are undergoing some transformations, e.g., new formats appear while others fade into the past. The modern family is characterized by individualism and rationalization instead of standards. Late parenthood requires more available reproductive technologies. These new trends are to be observed all over the country and in all age groups. Young metropolitan dwellers manifest rationalization and freedom of choice: they make marriage and divorce decisions quite easily, see marriage as optional, and are prone to late marriage and parenthood. The concept and implementation of state

family policy in modern Russia need to take into account the abovementioned trends, as well as the actual attitude of the population to family relations and parenthood.

Keywords: family, transformation of family institution, family functions, family structure, family values, family behavior, family lifestyle and parenthood, state family policy

Citation: Protasova T. N. Transformation of Russian Family: History and Modern Trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 209–219. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-209-219

Received 21 Feb 2024. Accepted after review 23 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

В современной России крайне актуализировался дискурс о состоянии института семьи, происходящих в данном институте изменениях, взаимосвязи этих изменений с социальной структурой и динамикой общества, об их последствиях для общества как социальной системы. В истории нашей страны можно выделить периоды, характеризующиеся разным отношением общества, государства и науки к институту семьи. Но в целом доминировало понимание, что семья, так или иначе выполняющая свои функции, была, есть и будет. На современном этапе сформировалось понимание острого кризисного состояния института семьи, что требует глубокого изучения проблемы и разработки соответствующих действий.

В современной отечественной науке и практике трансформация института семьи связывается с демографической ситуацией в стране и анализируется в контексте национальной безопасности как ключевой сферы государственного управления. Демографическая ситуация оценивается как кризисная, характеризуется сокращением численности населения в условиях второй волны депопуляции [1, с. 6; 2, с. 43]. В РФ взят курс на защиту традиционных ценностей, 2024 г. объявлен Годом семьи.

Режим суженного воспроизводства населения в России установился еще с 1964 г. Однако до 1991 г. в стране численность населения продолжала расти за счет потенциала демографического роста. Старение возрастной структуры привело к потере потенциала роста. Ситуацию усугубила демографическая яма 1990-х гг. С тех пор и до сегодняшнего дня (исключением стал период 2013–2015 гг.) наше общество ежегодно теряет население, происходит естественная убыль населения (смертность превышает рождаемость). По среднему варианту прогноза Росстата численность населения России снизится с 146 млн человек в 2023 г. до 138 млн человек к 2045 г.[1]

Методы и материалы

Выводы о ведущих тенденциях изменения института семьи в условиях современной России сделаны исходя из анализа данных текущего статистического учета населения, всероссийских переписей населения (2010, 2020 / 2021), репрезентативных выборочных наблюдений репродуктивных планов населения (2012, 2017, 2022), опросов ВЦИОМ, а также ряда современных социально-демографических и социологических исследований. Теоретико-методологическая основа исследования базируется на системном подходе, ценностном (аксиологическом) подходе и структурно-функциональной теории.

Результаты

Научная полемика о том, что институт семьи изменяется со временем, началась еще с середины XIX в. с работ швейцарского историка Иоганна Якоба Бахофена «Материнское право» [3], шотландского этнолога Джона Фергюсона Мак-Леннана «Первобытный брак» [4], американского антрополога Льюиса Генри Моргана «Система родства и свойства человеческой семьи» [5]. Исследователи пришли к выводу об изменчивости форм семьи и брака в истории человечества, что вызвало на тот момент острую критику. В европейских странах патриархальная семья считалась универсальной и единственно верной формой семейно-брачных отношений, рассматривалась как микромодель общества со всеми характеристиками патриархальности (частной собственностью, субординацией, авторитарностью, жесткой нормативностью и пр.) [6, с. 67–70].

Однако с конца XIX в. в институте семьи начинают происходить трансформационные процессы: снижается рождаемость, меняются стратегии брачного выбора, растет эмансипация женщин от мужчин и детей от родителей, формируется тенденция нуклеаризации, постепенно происходит редукция функций семьи и т. п. О кризисе, разложении, распаде

[1] Демография. *ФСГС*. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 06.02.2024).

института семьи писал в своих работах П. А. Сорокин. На основе проведенных исследований П. А. Сорокин констатировал ослабление связи между мужем и женой, между родителями и детьми, прогнозировал дальнейшее сокращение социокультурных функций семьи как социального института и превращение его в случайное сожительство [7].

В 1920–1930-е гг. в СССР полемика вокруг изменения института семьи, как правило, сводилась к вопросу разрушения старых и формированию новых семейно-брачных отношений, смены буржуазной формы моногамии на советскую социалистическую в рамках теоретико-идеологического обеспечения практической деятельности правящей партии. После возрождения отечественной социологии во времена хрущевской оттепели вопросы семьи стали изучаться в разных направлениях и аспектах. В 1970–1980-е гг. наблюдается переключение внимания ученых с семьи как социального института на семью как социальную группу [8, с. 415–429]. В советской социологии вопросами института семьи занимались многие известные деятели науки [9–20]. В результате осмысления вопросов изменения и развития семьи в отечественной социологии сформировались две противоборствующие концептуальные позиции: консервативно-кризисная (А. И. Антонов, В. А. Борисов, В. М. Медков, А. Б. Синельников, А. Г. Харчев и др.); либерально-прогрессистская (А. Г. Вишневский, С. И. Голод и др.).

Представители консервативно-кризисного подхода (институционального кризиса семьи), стремясь сохранить общественно-функциональное значение семьи, пишут о глубокой деградации института семьи в революционной форме, о его гибели, разрушении, крахе, что угрожает существованию нашего общества и даже человеческого рода [6, с. 91].

Представители либерально-прогрессистской позиции, опираясь на идеи стабильности института семьи, имманентные закономерности ее развития, социокультурную и экономическую модернизацию, утверждают, что семья претерпевает прогрессивную эволюцию под влиянием объективных факторов. Традиционная, патриархальная семья трансформируется в современную, эгалитарную, добровольную. Разнообразие семейных форм и нестабильность семейных отношений – это плата за прогресс [21].

Сегодня все больше получает поддержку умеренная позиция, в рамках которой исследователи признают, с одной стороны, влияние исторических тенденций общественного развития в целом, исторического развития индивидуальности, ценности свободы выбора, с другой – кризисное состояние современного института семьи. Кризис современной российской семьи характеризуется редукцией, недостаточным выполнением или даже утратой ее традиционных функций, особенно репродуктивной и социализационной. На смену концептуальному противостоянию приходит объединение идей эволюционного и функционального подходов, изучаются модернизационные и кризисные аспекты [22, с. 21; 23, с. 267]. Аргументируется необходимость сохранить семью как социальный институт с его функциями, значением как для общества, так и для личности.

К основным факторам трансформации института семьи исследователи относят: развитие капиталистических отношений, рыночную экономику; урбанизацию; научно-технический прогресс; индустриализацию и рост эффективности производства; усложнение социально-групповой структуры общества; усиление возможностей территориальной и социальной мобильности; общеевропейские тенденции изменения семейно-брачных ценностных ориентаций личности; рост демографической эффективности семьи из-за снижения уровня детской смертности, демографические переходы; массовое вовлечение женщин в образование и работу по найму; преобладание в современном обществе индивидуалистических ценностей над фамилистическим [23].

Изменение института семьи представители либерально-прогрессистской парадигмы связывают с общественными трансформациями в контексте модернизации, переходом от одного типа общества к другому [24, с. 5; 25].

В доиндустриальном обществе господствовали ценности фамилизма над индивидуализмом. В семейных отношениях доминировали отношения родства, поддерживались связи с членами семьи, а также с родственниками; признавались авторитет старших поколений и приоритет мужчины; в регуляции поведения следовали семейным традициям, жестким общественным нормам. При любых обстоятельствах сохранялась целостность семьи. Собственность и знания передавались последующим поколениям. Мотивы рождаемости были экономическими. Рождаемость и детская смертность были высокими.

В индустриальном обществе актуализируются отношения порождения, т.к. дети стали рассматриваться как условие благополучной старости родителей. Семья благодаря *победе* над экзогенными факторами смертности (гигиена, вакцинация, изобретение антибиотиков и др.), а также разработке и доступности эффективных методов контрацепции получила возможность выбора количества желанных

для рождения детей, ожидая, что они доживут до взрослого возраста. Возросла роль любви к детям, материальной и духовной заботы о них, воспитания.

В семье постиндустриального общества доминирующими становятся отношения супружества (личного взаимодействия супругов). Во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в семье, повышается значение эгоистических мотивов, желаний, потребностей, ценностей индивидуализма, а не фамилизма. Каждая семья сегодня – это не только социальная группа ее членов с определенными статусами и функциями, она состоит из работающих или получающих образование членов, со своими возможностями, проблемами, интересами. Современному работодателю нужны мобильные, высококвалифицированные работники, готовые работать в условиях многозадачности и ненормированного трудового дня. На смену социальным мотивам рождаемости пришли психологические, для удовлетворения которых достаточно родить одного ребенка в удобный для семьи период времени.

Сторонники модернизационной парадигмы считают, что депопуляция (результат снижения рождаемости) решает ряд экологических и экономических проблем человечества [26, с. 23–24]. Однако данный подход к оценке низкой рождаемости не может быть применим для реалий нашей страны. Достаточность, недостаток или избыточность численности населения необходимо оценивать относительно конкретной территории, конкретных ресурсов.

Выделим основные тенденции трансформации современной российской семьи.

Изменение структуры семьи

Переход от многодетности к малодетности, однодетности, в отдельных случаях – добровольной бездетности. Россия пережила два демографических перехода: от нерегулируемой рождаемости к возможности сознательно выбирать количество детей; от регулируемой рождаемости к массовой ориентации на двудетную семью [27]. Из поколения в поколение в российских семьях в среднем рождается меньшее количество детей. Динамику репродуктивных установок россиян за последние 10 лет можно проследить на основе выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (РПН), которое Росстат проводил в 2012, 2017 и 2022 гг. В данный период времени наблюдается снижение среднего показателя как желаемого числа детей (мужчины: 2,30 % в 2012 г., 2,16 % в 2017 г., 1,97 % в 2022 г.; женщины: 2,28 % в 2012 г., 2,15 % в 2017 г., 2,00 % в 2022 г.), так и ожидаемого числа детей (мужчины: 1,92 % в 2012 г., 1,88 % в 2017 г., 1,74 % в 2022 г.; женщины: 1,92 % в 2012 г., 1,88 % в 2017 г., 1,76 % в 2022 г.). Негативной тенденцией является увеличение процента опрошенных, желающих и ожидающих бездетность. Процент женщин, выбирающих при всех необходимых условиях для рождения детей бездетность, увеличился с 0,70 % до 2,41 %, а таких мужчин с 1,90 % до 3,54 %. По результатам опроса 2022 г., не собираются иметь детей (ожидаемое число детей) 3,73 % женщин и 5,37 % мужчин. 74 % женщин хотели бы иметь не более 2-х детей, а 78,13 % ожидают, что у них родится 1–2 ребенка либо не родится вообще[2].

По данным Всероссийской переписи населения (ВПН-2020), среди семейных ячеек: супружеских пар с детьми – 37 %, супружеских пар без детей – 31 %[3]. Однако при сопоставлении результатов переписей 2010 г. и 2021 г. отмечается ряд положительных тенденций: сокращение доли однодетных семей с детьми в возрасте до 18 лет с 59 % до 47 %; доминирование семей с двумя детьми (в том числе и взрослыми, но еще не в браке) – 53 % [28, с. 78].

Нуклеарность. Современные дети стремятся как можно быстрее уехать от родителей и жить самостоятельно, хотя зачастую при финансовой поддержке родителей. Молодые семьи также стремятся к отделению от родительской семьи. И даже старость родителей, сопровождающаяся потребностью в помощи со стороны другого человека, не всегда может стать причиной совместного проживания под одной крышей разных поколений. В том числе происходит рост доли одиноких пожилых людей. По итогам ВНП-2020 средний размер частного домохозяйства составил 2,2 человека (в городах – 2,1; в селах – 2,5). Самым распространенным оказывается домохозяйство из 1 человека (41,8 % от общего числа домохозяйств). Преобладание одиночек в составе домохозяйств за всю историю переписей в России зафиксировано впервые. Например, в переписи 2010 г. доля домохозяйств из 1 человека составляла 25,7 %[4] . В 2021 г.

[2] Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения: 2012. *ФСГС*. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html; 2017. *ФСГС*. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html; 2022. *ФСГС*. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 04.02.2024).

[3] Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. Том 8. Число и состав домохозяйств. *ФСГС*. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 04.02.2024).

[4] Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения – 2010. Том 6. Число и состав домохозяйств. *ФСГС*. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 04.02.2024).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-209-219

из общего числа домохозяйств, состоящих из одного человека, 0,07 % – это лица моложе трудоспособного возраста, 57,4 % – лица трудоспособного возраста и 42,6 % – старше трудоспособного возраста. Домохозяйств из 2-х человек на 9,3 % больше, чем из 3-х человек и на 14,3 % больше, чем из 4-х человек[5].

Большая доля неполных семей. Негативной тенденцией является увеличение доли неполных семей с детьми. По данным ВПН-2020 среди семейных ячеек в стране – около 32 % семей с одним родителем, из них матерей, одиноко воспитывающих детей, – 26 %, отцов-одиночек с детьми – 6 %[6]. Традиционными причинами, приводящими к такой структуре семьи, считаются разводы и смерть одного из супругов. Сегодня распространение получает целенаправленное рождение ребенка зрелой женщиной *для себя*.

Изменения в реализации функций семьи

Участие в реализации семейных функций других социальных институтов. Современная семья активно передает часть своих традиционных функций различным социальным институтам, а институты активно включаются в их реализацию, предлагая новые возможности, задавая новые стандарты. Данная ситуация обусловлена в том числе высокими требованиями к социализированности, компетентности современного человека в разных сферах жизнедеятельности, его профессионализму, что не может обеспечить семья в одиночку. Например, в реализации функций социализации, воспитания, образования принимают участие институт образования (детские сады, школы, вузы, организации дополнительного образования и пр.), Интернет как новый социальный институт с культурно-образовательными и педагогическими ресурсами и СМИ. Функцию защиты сегодня помогают реализовать полиция, армия; социально-бытовую – сфера услуг (учреждения социальной защиты населения, клининговые организации, организации общественного питания, доставка и пр.); социально-статусную – организации профессионального образования, наемный труд; функцию эмоциональной поддержки – друзья, профессиональные психологи, лайки в социальных сетях и т. п.

Изменение содержания и качества реализации семейных функций. На современном этапе развития изменяется содержание реализации функций, что влечет за собой как положительные, так и отрицательные эффекты. Так, сегодня социализационная функция семьи в основном связана с обеспечением возможности получения детьми качественного разностороннего образования. Реализация этой задачи зависит от статуса семьи (экономических возможностей, властного влияния на территории, места жительства, наличия времени у родителей сопровождать детей в образовательные организации и пр.). Такая ситуация ведет к ослаблению внутрисемейных контактов, усилению солидарности в поколенческих группах, социальной дифференциации.

В реализации многих функций используются современные технологии. К бытовой технике, упрощающей осуществление социально-бытовой функции, мы все уже привыкли. Современные технологии помогают совершать онлайн-покупки, быстрые переводы денежных средств членам семьи, регулярно общаться на расстоянии через видео-звонки, обучать и воспитывать детей.

Новой тенденцией является запрос значительной части населения на вспомогательные репродуктивные технологии, например, искусственное оплодотворение, суррогатное материнство. Сегодня в России 15–18 % супружеских пар имеют диагноз *бесплодие* [29, с. 33]. В связи с проблематичностью этой ситуации с 2014 г. в программу ОМС включена процедура экстракорпорального оплодотворения, с 2016 г. расширены возможности проведения данной процедуры для женщин, с 2024 г. в программу диспансеризации населения России включена глубокая оценка репродуктивного здоровья женщин и мужчин. Сегодня актуализируется запрос на развитие технологий сохранения репродуктивного здоровья для позднего родительства.

Также важно указать на деструктивное содержание ряда функций, реализуемых институтом семьи. Например, снижение рождаемости, появление и распространение бездетных браков указывают на деструктивное содержание репродуктивной функции.

Изменение значимости семейных функций. В современном институте семьи ряд функций теряет свое значение. Например, экономическая функция, т. к. сегодня индивид самостоятельно может обеспечить приемлемый уровень жизни. Даже выгоднее жить одному. Индивидуальная заработная плата не учитывает семейности. Дети рассматриваются как фактор обеднения семьи. При этом в мире стрессов, скоростей и рисков повышается значимость психологической функции семьи [30, с. 528]. Появляются новые для семьи функции, например управление услугами [31, с. 29].

[5] Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. Том 8…
[6] Там же.

Отдельная проблема – выполнение семейных функций союзами, основанными на сожительстве. Среди всех функций, которые традиционно выполнял институт семьи, самыми важными можно назвать функции воспроизводства, социализации детей и обеспечения психологического комфорта для членов семьи. В сожительствующих парах не всегда рождаются дети, соответственно, эти союзы вообще не выполняют первые две функции. Качество выполнения третьей тоже под вопросом [32, с. 95].

Изменения в реализации семейного поведения

Продолжающаяся автономизация брачности, прокреации и сексуальности. Для традиционной семьи была характерна слитность и взаимозависимость всех видов семейного поведения. Сегодня каждый вид поведения представляет самостоятельный феномен, со своими целями, характеристиками, спецификой и проблемами. Чтобы родить ребенка, не обязательно заключать брак, даже вступать в интимные отношения. Брак не подразумевает обязательного рождения детей, а интимные отношения – официально зарегистрированный брак.

Кризис брачности. Изменилось матриманиальное поведение (связанное с брачным выбором). Выбор будущего супруга не зависит от социальных норм, от рекомендаций родителей. По результатам опроса ВЦИОМ 2023 г., было установлено, что любовь – ключевое условие для создания семьи (57 %). После любви важным является финансовая самостоятельность партнеров: отдельное жилье (35 %), доход, обеспечивающий независимость от родителей[7].

Исчезает норма обязательного заключения брака. По результатам РПН-2022, женщины и мужчины по-разному относятся к регистрации брака. 66,14 % женщин и 56,75 % мужчин считают, что первый брак в жизни *должен быть обязательно зарегистрирован*; *желательно зарегистрирован* – 29,73 % женщин и 35,72 % мужчин; *нет, не нужно регистрировать* – 4,13 % женщин и 7,52 % мужчин. Относительно регистрации повторного брака снижается строгость в требовании обязательности. Лишь 33,20 % женщин и 24,79 % мужчин предпочли *обязательность регистрации брака*, 50,83 % женщин и 49,68 % мужчин предпочли *желательность*, а 15,97 % женщин и 25,53 % мужчин считают, что регистрировать повторный брак *не нужно*. Среди опрошенных доля состоящих в незарегистрированном браке от состоящих в супружеских отношениях составляет 41,25 % женщин в возрасте до 25 лет и 56,04 % мужчин того же возраста[8].

Становятся популярными нетрадиционные (альтернативные) формы брака и семьи: сожительство, пробный брак, параллельный брак, дистанционная семья, свободный союз и пр. Тенденция распространения сожительств снижает рождаемость [28, с. 79].

Изменение возрастных границ брачности. По данным Росстата, в 2022 г. наибольшее количество браков заключалось в возрастном периоде 25–34 лет, а еще в 2002 г. – 18–24 лет. В 2022 г. в возрасте 35 лет и более заключалось больше браков, чем в возрасте 18–24 лет[9]. Данная статистика свидетельствует о более позднем возрасте вступления в брак и о распространенности повторных браков.

Изменение возрастных границ родительства (материнства). По результатам РПН-2022, средний возраст матери при рождении первого ребенка из года в год увеличивается. При рождении первого ребенка в 1995–1999 гг. средний возраст матери составлял 19,54 года; в 2018–2022 гг. – 26,75 лет[10].

Изменения внутри семейных отношений

Разнообразие типов семей с превалированием супружеского типа. В современном российском обществе присутствуют разные типы семей: традиционные, детоцентрические, супружеские. Но все большее распространение получает супружеский тип, где каждый член семьи имеет свои личные интересы, достижения, специфику, свободу выбора. Семья рассматривается как ресурс для удовлетворения индивидуальных потребностей ее членов. Ведущими отношениями являются не родство и родительство, а отношения между супругами. Современная семья в большей степени становится социально-психологической группой, чем продолжает быть социальным институтом, выполняющим предписанные ей функции [22].

Перераспределение гендерных обязанностей в семье. Жесткая гендерная иерархия сменяется гендерным консенсусом. По данным ВЦИОМ (опрос 2023 г.), 68 % россиян считают, что можно обойтись без главы семьи, взаимные решения должны приниматься совместно, а менее важные – в соответствии с разделением обязанностей. Равноправие

[7] Совет да любовь! *ВЦИОМ*. 20.10.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovet-da-ljubov (дата обращения: 05.02.2024).

[8] Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. 2022…

[9] Демография…

[10] Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. 2022…

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-209-219

в семейных отношениях чаще выбирают женщины (70 % против 64 % мужчин), молодежь 18–34 лет, россияне со средним образованием и выше, жители обеих столиц, а также предпочитающие Интернет телевидению[11]. Современные мужчины в семье все больше участвуют в домашних делах и воспитании детей. Постепенно происходит сдвиг от традиционного к вовлеченному отцовству [33]. Современные женщины активнее участвуют в материальном обеспечении семьи, упрощая реализацию бытовых функций с помощью современных технологий и сервисов (доставка, клининг, наем *домашних помощниц*), требуя поддержки и их разделения от мужчин.

Рост автономии поколений. Современные родители все меньше превозносят интересы детей в ущерб своим. Поздние роды, чтобы *пожить для себя*, укрепить материальное положение; рождение 1–2 детей; использование современных технологий, упрощающих воспитательный процесс; эмоциональное дистанцирование и пр. Современные дети все меньше испытывают благодарности к родителям, которые их родили, вырастили и, возможно, еще продолжают обеспечивать, и воспринимают это как их обязанность. При этом дети все меньше испытывают обязанность подчиняться требованиям родителей, уважать их и ценить. Важным фактором автономизации поколений является научно-технический прогресс, все ускоряющиеся социальные изменения, которые приводят к устареванию трудовой культуры, социальных навыков старшего поколения. Молодое поколение в данной ситуации получает преимущество, т.к. быстро осваивает современную технологическую культуру. Параллельно автономизации поколений происходит усиление солидарности в поколенческих группах [34, с. 58–59]. Современные дети ориентированы на отдельное проживание от родителей, стремятся покинуть родительские семьи, в том числе под предлогом получения образования в другом городе. Проблема автономизации распространяется и на отношения между поколением взрослых детей и их пожилых родителей. Показателем этой ситуации оказывается высокая потребность населения старше трудоспособного возраста в стационарном обслуживании в домах-интернатах. По оценкам исследователей эта потребность сегодня не обеспечивается имеющимися мощностями [35].

Автономизация супружества от родительства. Отделение отношений супружества от родительства проявляется в либерализации отношения общества, особенно молодежи, к чайлдфри. По результатам опроса ВЦИОМ (2021 г.), растет терпимость людей к тем, кто может, но сознательно решил не заводить детей. 58 % опрошенных в оправдание такого решения считают, что в жизни бывают разные обстоятельства, и 34 % – что не стоит их осуждать[12].

Высокая конфликтность, разводимость, превалирование интересов супругов над интересами детей в ситуации развода приводят к серьезным проблемам у детей: росту числа детей с неврозами, личностными расстройствами, девиациями и пр.

Отделение отцовства от материнства. На современном этапе наблюдается рост числа матерей-одиночек, отцов-одиночек, смешанных семей, где дети воспитываются отчимами, мачехами.

Изменения ценностей и норм семейно-детного образа жизни

Трансформация системы семейных ценностей. Семья как ценность для россиян продолжает быть лидирующей [23]. По результатам ряда опросов ВЦИОМ 2023–2024 гг., ценность крепкой семьи выступает лидирующей. Так, в 2023 г. крепкая семья являлась наивысшей ценностью для 68 % россиян. Особенно важна данная ценность для опрошенных 35–45 лет (77 %). Для молодежи 18–24 лет она лишь немного приоритетнее, чем ценность самореализации (57 % и 50 % соответственно)[13]. По данным аналитического отчета по результатам межрегионального социолого-демографического исследования «Ценности семейно-детного образа жизни», проведенного исследовательским коллективом кафедры социологии семьи и демографии МГУ (СеДОЖ-19), ценность *семья, дети, заботливые близкие* расположилась в иерархии жизненных ценностей опрошенных на втором месте после *здоровья*. Исследователи отмечают, что с возрастом значение семьи как ценности растет. Эта ценность имеет большее значение для супругов, состоящих в официальном браке, чем для сожительствующих пар, а также для имеющих детей, чем для бездетных [36, с. 24].

На смену фамилистическим ценностям (супружество, родительство, целостность семьи и брака)

[11] Кто в доме хозяин? *ВЦИОМ*. 05.06.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kto-v-dome-khozjain (дата обращения: 03.02.2024).

[12] Семья и дети: установки и реалии. *ВЦИОМ*. 02.12.2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii (дата обращения: 06.02.2024).

[13] Ценность # 1: навстречу году семьи. *ВЦИОМ*. 23.11.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennost-1-navstrechu-godu-semi (дата обращения: 06.02.2024).

приходят либеральные ценности, основанные на индивидуализме (карьерный рост, личная независимость, материальное обогащение, потребительство и пр.). Претерпевают изменение такие фамилистические ценности, как брак (он становится необязательным), целостность брака и семьи (конфликты внутри семей и разводы стали атрибутами брака), детность (как ценность, определяющая количество детей в семье, хотя дети как семейная ценность пока остается значимой для многих), ценность детей определенного пола (доминирует важность рождения определенного количества детей). Отношение современной личности к созданию семьи, рождению и воспитанию детей определяется в большей мере не биологической потребностью, а социальной, т. е. потребностью в личностной самореализации [37, с. 265].

При этом ученые фиксируют рост толерантности общества к любому выбору семьи: брачность – безбрачие, детность – бездетность, карьера – семья и т. п. Сегодня складывается ситуация, когда традиционную семью с детьми начинают воспринимать как устаревшую, немодную [38].

Размывание системы поведенческих норм в сфере брака и семьи. Происходит перенос социального контроля над семейным поведением с общественных институтов (государство, церковь, коллектив) на индивидуальный уровень [22, с. 22].

Рост толерантности к разводам. Приемлемость развода в семье с детьми по субъективным причинам (прошла любовь, угасла страсть к супругу, не нарушавшему норм и правил семейной жизни) рассматривается в науке как симптом институционального кризиса семьи [36, с. 35–36; 39, с. 78]. По результатам опроса СеДОЖ-19, большинство опрошенных признают моральное право жены на развод с нелюбимым мужем (71,2 %) и мужа на развод с нелюбимой женой (68,6 %), несмотря на то что в семье есть дети [36, с. 36]. Общественное признание уважительности субъективных причин развода снижает брачность и рождаемость, т. к. формирует понимание того, что брак – не навсегда, он в любой момент может развалиться по желанию второй половины [39, с. 78].

Рационализация репродуктивных планов. Современная молодежь рационализирует свое поведение, аргументируя принятие решения о более позднем браке, родительстве либо отказе от рождения детей необходимостью решения жилищного вопроса, достижения экономической самостоятельности. По результатам исследования СеДОЖ-19, молодые опрошенные по сравнению с респондентами более старших возрастов меньше разделяют такие утверждения, отражающие семейные ценности, как *Ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок, Бездетные часто ощущают пустоту своей жизни*, но молодые в большей степени разделяют тезис *Быть счастливым можно и не имея детей*, а также идеи о необходимости материальной основы перед рождением детей [36, с. 42–43].

Следует отметить неравномерность распространения современных тенденций в нашей стране. Имеют значение такие региональные особенности, как национальные и местные традиции, вероисповедание, нормативно-ценностные ориентации жителей региона и пр. В небольших городах, селах образ жизни меняется медленнее. В больших городах, столицах современные тенденции, новые практики в сфере семьи и родительства развиваются быстрее [40]. Например, по результатам опроса о распределении гендерных ролей в российских семьях, проведенного ВЦИОМ в 2023 г., патерналистскую модель семейных отношений больше предпочитают жители сел (28 % против 11 % в обеих столицах), в Северо-Кавказском федеральном округе данная модель (45 %) конкурирует с консенсусной (46 %)[14].

Заключение

Современная семья становится все более разнообразной в моделях и формах взаимоотношений, многовариантной в своем развитии и выборе репродуктивных планов, но все более малочисленной, простой по структуре. Снижается регламентирующее и регулирующее значение социальных норм, традиций, повышается роль индивидуальных решений.

Современный кризис института семьи основан на противоречии ожиданий общества и стремлений личности относительно рождения детей. Личность стремится к свободному выбору в вопросах семейно-брачных отношений, а общество ожидает эффективную реализацию процессов физического и социокультурного воспроизводства населения. Институт семьи оказывается жертвой в этом конфликте.

Доминирование ценностей индивидуализма над традиционными ценностями фамилизма приводит к формированию угрожающих нашему обществу тенденций: отсрочке деторождения на более поздний возрастной период, что увеличивает количество и разнообразие проблем с зачатием и вынашиванием, рождением детей с заболеваниями; полному отказу от рождения детей среди некоторой части молодежи.

[14] Кто в доме хозяин?...

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-209-219

На сегодняшний день важной задачей социального управления является создание условий для осознания личностью семьи в качестве социокультурной ценности, формирование нравственной потребности личности в создании крепкой, здоровой, полноценной семьи. Актуализируется необходимость разработки и реализации методов и инструментов воздействия на личность, установления границ свободы личности в контексте национальной безопасности. Для разработки мер сохранения семьи нужны исследования характерных черт современной семьи, существующих и лишь только формирующихся тенденций в семейном образе жизни, в отношении людей, особенно молодых поколений, к семье, браку, рождению детей и пр.

Комплексное, разностороннее изучение ситуации позволит прогнозировать дальнейшие процессы изменения семейной структуры общества, семейных функций, последствий этих изменений для общества и государства. Следовательно, нужна новая концепция семейной политики, имеющая комплексный характер воздействия: от формирования потребностей в семейно-детном образе жизни, значимости семейных ценностей до создания условий для их реализации. Интересы семьи должны учитываться как приоритетные во всех сферах жизни общества.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author stated that there are no potential conflicts of interests regarding the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / References

1. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году, отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. М.: Проспект, 2023. 448 с. [*Russian society and state in the context of the emergence of a new world order: Demographic situation in 2022*, eds. Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K. Moscow: Prospekt, 2023, 448. (In Russ.)] https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023
2. Ростовская Т. К. О разработке Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства: авторский взгляд. *Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки.* 2023. Т. 16. № 1. С. 40–47. [Rostovskaya T. K. On the development of an action Strategy to save men and support responsible fatherhood: The author's view. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 2023, 16(1): 40–47. (In Russ.)] https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-40-47
3. Bachofen J. J. *Das Mutterrecht: Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur.* Stuttgart: Verlag von Krais & Hoffmann, 1861, 435.
4. McLennan J. F. *Primitive marriage: An inquiry into the origin of the form of capture in marriage ceremonies.* Edinburgh: Adam and Charles, 1865, 326.
5. Morgan L. H. *Systems of consanguinity and affinity of the human family*. Washington: Smithsonian Institution, 1870, 590. https://doi.org/10.5962/bhl.title.29577
6. Социология семьи, ред. А. И. Антонов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2005. 640 с. [Sociology *of the family*, ed. Antonov A. I. 2nd ed. Moscow: Infra-M, 2005, 640. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qodlhx
7. Сорокин П. А. Кризис современной семьи. *Вестник Московского университета. Серия. 18. Социология и политология*. 1997. № 3. С. 65–79. [Sorokin P. A. The crisis of the modern family. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 1997, (3): 65–79. (In Russ.)]
8. Социология в России, ред. В. А. Ядов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФНИСЦ РАН, 1998. 696 с. [*Sociology in Russia*, ed. Iadov V. A. 2nd ed. Moscow: FCTAS RAS, 1998, 696. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/tcioab
9. Антонов А. И. Социология рождаемости: теоретические и методологические проблемы. М.: Статистика, 1980. 271 с. [Antonov A. I. *Sociology of fertility: Theoretical and methodological problems*. Moscow: Statistika, 1980, 271. (In Russ.)]
10. Борисов Б. И. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с. [Borisov B. I. *Fertility prospects*. Moscow: Statistika, 1976, 248. (In Russ.)]
11. Васильева Э. К. Семья и ее функции. Демографо-статистический анализ. М.: Статистика, 1975. 181 с. [Vasilieva E. K. *Family and its functions. Demographic and statistical analysis*. Moscow: Statistika, 1975, 181. (In Russ.)]
12. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с. [Vishnevsky A. G. *Population reproduction and society. History, modernity, and prospects*. Moscow: Finansy i statistika, 1982, 287. (In Russ.)]

13. Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. 136 с. [Golod S. I. *Family stability: Sociological and demographic aspects*. Leningrad: Nauka, 1984, 136. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xpmunf
14. Мацковский М. С., Гурко Т. А. Молодая семья в большом городе. М.: Знание, 1986. 48 с. [Matskovsky M. S., Gurko T. A. *Young family in a big city*. Moscow: Znanie, 1986, 48. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ymckbf
15. Мацковский М. С., Заикина Г. А., Гурко Т. А. Специфика современных брачно-семейных отношений. *Социальная сфера. Преобразование условий труда и быта*, отв. ред. В. Н. Иванов. М.: Наука, 1988. С. 106–153. [Matskovsky M. S., Zaikina G. A., Gurko T. A. Specifics of modern marriage and family relations. *Social sphere. Transformation of working and living conditions*, ed. Ivanov V. N. Moscow: Nauka, 1988, 106–153. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ynvegb
16. Антонов А. И., Медков В. М. Второй ребенок. М.: Мысль, 1987. 299 с. [Antonov A. I., Medkov V. M. *A second child*. Moscow: Mysl, 1987, 299. (In Russ.)]
17. Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в СССР. М.: Наука, 1989. 104 с. [Sinelnikov A. B. *Marriage and birth rates in the USSR*. Moscow: Nauka, 1989, 104. (In Russ.)]
18. Сысенко В. А. Устойчивость брака. Проблемы, факторы, условия. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с. [Sysenko V. A. *Marriage stability. Problems, factors, and conditions*. Moscow: Finansy i statistika, 1981, 200. (In Russ.)]
19. Юркевич Н. Г. Советская семья. Функции и условия стабильности. Мн.: БГУ, 1970. 207 с. [Yurkevich N. G. *Soviet family. Functions and conditions of stability*. Minsk: BSU, 1970, 207. (In Russ.)]
20. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 368 с. [Kharchev A. G. *Marriage and family in the USSR*. Moscow: Mysl, 1979, 368. (In Russ.)]
21. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи. *Социологические исследования*. 2008. № 1. С. 40–49. [Golod S. I. Russian family's state and evolution – sociological demographic analysis. *Sociological Studies*, 2008, (1): 40–49. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ipwlwl
22. Кучмаева О. В., Кучмаев М. Г., Петрякова О. Л. Трансформация института семьи и семейные ценности. *Вестник славянских культур*. 2009. № 3. С. 20–29. [Kuchmaeva O. V., Kuchmaev M. G., Petryakova O. L. Transformation of institution of family and family values. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2009, (3): 20–29 (In Russ.)] https://elibrary.ru/kwdgiz
23. Кучмаева О. В., Ростовская Т. К. Российская семья и семейная политика: тенденции и оценки. *Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции*, ред. С. В. Рязанцев. М.: Экон-информ, 2019. С. 267–271. [Kuchmayeva O. V., Rostovskaya T. K. Russian family and family policy: Trends and estimates. *National demographic priorities: New approaches and trends*, ed. Ryazantsev S. V. Moscow: Ekon-inform, 2019, 267–271. (In Russ.)] https://elibrary.ru/uyxpez
24. Берковский В. А., Бобрышов С. В., Ивакина В. В., Каневская Ж. О., Маслова Т. Ф., Суменко Л. В., Тронина Л. А. Трансформация аксиологических оснований современной российской семьи. Ставрополь: СГПИ, 2018. 128 с. [Berkovsky V. A., Bobryshov S. V., Ivakina V. V., Kanevskaya Zh. O., Maslova T. F., Sumenko L. V., Tronina L. A. *Transformation of the axiological foundations of the modern Russian family*. Stavropol: SSPI, 2018, 128. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/aafljm
25. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2015. № 3. С. 193–200. [Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. Transformat ion of the institution of family in today's modernization process. *Herald of Omsk University. Series Economics*, 2015, (3): 193–200. (In Russ.)] https://elibrary.ru/uywgwp
26. Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo Sapiens. *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–33. [Vishnevsky A. G. The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo Sapiens. *Demograficheskoe obozrenie*, 2014, 1(1): 6–33. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tlmuvv
27. Розенберг Н. В., Иванишко А. М. Проявления второго демографического перехода в России и Пензенской области: особенности репродуктивных установок. *Наука. Общество. Государство*. 2021. Т. 9. № 4. С. 148–158. [Rozenberg N. V., Ivanishko A. M. Manifestations of the second demographic transition in Russia and Penza Region: Features of reproductive attitudes. *Science. Society. State*, 2021, 9(4): 148–158. (In Russ.)] https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-4-17
28. Синельников А. Б. Семейно-демографический контекст многодетности в современной России. *Переустройство мира: исследования (в) новой реальности*: XIII Междунар. социолог. Грушинская конф.

(Москва, 25–27 мая 2023 г.) М.: ВЦИОМ, 2023. С. 77–82. [Sinelnikov A. B. Family and demographic context of large families in modern Russia. *Remaking the World: Exploring (in) a New Reality*: Proc. XIII Intern. Sociolog. Grushinskaya Conf., Moscow, 25–27 May 2023. Moscow: VCIOM, 2023, 77–82. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/olynha

29. Новицкая Т. Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор реконфигурации семейно-родственных связей в Беларуси и России. *Наука и инновации*. 2018. № 4. С. 27–33. [Navitskaya T. Assisted reproductive technologies as a factor of family relationshipreconfiguration in Belarus and Russia. *Science and Innovation*, 2018, (4): 27–33. (In Russ.)] https://elibrary.ru/xsfhhf
30. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 3. С. 527–545. [Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Transformation of the desired family model in different generations: Results of the All-Russian sociological study. *RUDN Journal of Sociology*, 2020, 20(3): 527–545. (In Russ.)] https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545
31. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах. *Ценности и смыслы*. 2011. № 4. С. 26–44. [Gurko T. A. Family institute in postindustrial societies. *Values and Meanings*, 2011, (4): 26–44. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/opzegz
32. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? *Социологический журнал*. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113. [Sinelnikov A. B. Family and marriage: Crisis or modernization? *Sociological Journal*, 2018, 24(1): 95–113. (In Russ.)] https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715
33. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 94–106. [Bezrukova O. N., Samoylova V. A. Fatherhood in modern Russia: Meanings, values, practices and intergenerational translation. *Sociological Studies*, 2022, (2): 94–106. (In Russ.)] https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0
34. Черняк Е. М. Семьеведение: субкультура семьи и брака. М.: Дашков и К, 2021. 288 с. [Chernyak E. M. *Family studies: Subculture of family and marriage*. Moscow: Dashkov i K, 2021, 288. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/rfnqzq
35. Гончарова Н. Л. О состоянии стационарной формы обслуживания населения старше трудоспособного возраста. *Вестник Академии знаний*. 2020. № 41. С. 79–84. [Goncharova N. L. On the state of the stationary form of service for the population over the working age. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2020, (41): 79–84. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10765
36. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В., Новоселова Е. Н., Синельников А. Б. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019). М.: МАКС Пресс, 2020. 486 с. [Antonov A. I., Karpova V. M., Lyalikova S. V., Novoselova E. N., Sinelnikov A. B. *The family-child lifestyle values (SeDOJ–2019)*. Moscow: MAKS Press, 2020, 486. (In Russ.)] https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019
37. Мустафаева Д. Ш. Образовательная среда как условие подготовки будущего педагога к формированию ценностного отношения к семье. *Вестник университета*. 2013. № 7. С. 264–270. [Mustafaeva D. Sh. The educational environment as a condition for preparing a future teacher for the formation of a value-based attitude towards the family. *Vestnik universiteta*, 2013, (7): 264–270. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/rmsekd
38. Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М. Проблемы трансформации института семьи и брака на современном этапе. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2023. Т. 14. № 2. [Nevelichko L. G., Vorotilkina I. M. Problems of transformation of the institution of family and marriage at the present stage. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2023, 14(2). (In Russ.)] https://doi.org/10.15862/43SCSK223
39. Синельников А. Б. Социальная приемлемость объективных и субъективных причин для развода в современной России. *Социологические исследования*. 2023. № 4. С. 75–83. [Sinelnikov A. B. Social acceptability of objective and subjective reasons for divorce in modern Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2023, (4): 75–83. (In Russ.)] https://doi.org/10.31857/S013216250022703-6
40. Гурко Т. А. Семья и родительство в России на фоне постиндустральных обществ. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие*: IV Очередной Всеросс. социолог. конгресс. (Уфа, 23–25 октября 2012 г.) М.: РОС, 2012. С. 3343–3350. [Gurko T. A. Family and parenthood in Russia against the backdrop of post-industrial societies. *Sociology and society: global challenges and regional development:* Proc. IV The next All-Russian Sociolog. Congress, Ufa, 23–25 Oct 2012. Moscow: ROS, 2012, 3343–3350. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/rgoxqn